

Опубликовано:

История в подробностях. – 2012. – № 11. – С. 34-40

© Лопатина Н.Л.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЯНКЕ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ЕЁ СОВРЕМЕННОКОВ

Лопатина Наталия Леонидовна

Аннотация:

В статье повествуется о достойной роли женщины в российском дореволюционном обществе. На основе наблюдений путешественников, этнографов, исследователей, писателей российская женщина разных социальных слоёв представлена полноценным деятельным членом общества, красивой, нравственной, грамотной, трудолюбивой.

Ключевые слова:

Женщина, крестьянка, аристократка, достоинство, культура, нравственность, красота, трудолюбие, этнографы, писатели, иностранцы.

В советском обществе бытовало устойчивое представление о забитости, темноте и унижительной покорности женщины в царской России. Школьные и вузовские учебники повествовали, что будто бы только советская власть вывела женщину из социального рабства, сделав её свободной.

Интересно взглянуть на «женский вопрос» глазами досоветских исследователей истории, этнографов, классиков русской литературы, иностранных путешественников, которые публицистически или художественно отобразили культурологическую реальность досоветской России.

Иностранцы, побывавшие в России в разные времена, с восхищением описывали нашу женщину. Они отмечали приятный внешний вид, красивую одежду, супружескую верность, религиозность [4]. Ганс Мориц Айрман, посетивший Москву в XVII в., писал: «...С лица столь прекрасны, что превосходят многие нации. ...Женщины бережно содержатся в Москве и не могут показываться публично, как в Европе... Они стройны телом и высоки, поэтому их длинные доходящие сверху до самого низа одежды сидят на них очень красиво. Они, по своему обычаю, сверх меры богато украшают себя жемчугом и драгоценностями, которые постоянно свисают с ушей на золотых колечках; так же на пальцах носят драгоценные перстни. Свои волосы, будучи девицами, заплетают в косу и еще украшают жемчугом и золотом так, что это выглядит чудесно, а на конец свисающей косы навешивают они кисть из золотых или шелковых нитей или переплетенную жемчугом, золотом и серебром, что очень красиво; на ногах носят кожаные сапожки разных расцветок» [4, с. 348-349].

Ю. Крижанич (проживал в России 1659-1676 гг.) описывал богатое убранство мужчин и женщин, возмущался, что из-за дороговизны одежды невозможно отличить аристократок от простолюдинок [3, с. 46, 47].

Правда, есть и другие впечатления иностранцев о русских женщинах. Француз маркиз де-Кюстин, побывавший в России во времена Николая I, описал женщин простого класса некрасивыми. Удивлялся, что у таких красивых мужчин такие некрасивые матери, жены [10, с. 115]. Переезжая из Петербурга в Москву, он отметил, что ближе к Москве попадались крестьянки с более красивыми лицами, но фигуры оставляют желать лучшего, хотя цвет лица здоровый и свежий [10, с. 175]. К свидетельствам этого автора, видимо, следует относиться осторожно. Пребывая в России без знания языка, он рассуждал о низком качестве стихов Пушкина А.С., о русском характере, темноте народа, убогости русских березок. Стоит заметить, что за всё пребывание в России он не испытывал языкового барьера, поскольку «необразованные» русские общались с ним на французском языке.

Путешествуя ранее (в XVIII в.) этим же маршрутом, Радищев А.Н. совсем иначе описал деревенских девушек: «Их было около 30 человек. Все были в праздничной одежде, шеи голые, ноги босые, рубахи белые, взоры веселые, здоровье на щеках начертанное.... Красота юности в полном блеске, в устах улыбка или смех сердечный; от него виден становится ряд зубов, белее чистейшей слоновой кости. Зубы, которые щеголих с ума свели бы» [12, с. 118]. Его восхищение красотой крестьянок более ценно, если учесть, что избалованный барин привык к другим стандартам. «Извини меня, читатель, – признавался он, – ... я родился и вырос в столице, и, если кто не кудряв и не напудрен, того я ни во что не чту. Если и ты деревенщина и волос не пудришь, то не осуди, буде я на тебя не взгляну и пройду мимо» [12, с. 72].

То были свидетельства «сторонних» наблюдателей. Ещё более интересны описания женщин людьми, профессионально изучавших российскую действительность. В работах российского этнографа XIX в. Максимова С.В., который специально исследовал русскую деревню, есть подробное описание добротной традиционной одежды русской крестьянки [8, 9]. В отличие от советских авторов у этнографа нет свидетельств, что женщины будто бы одевались плохо, грязно, неопрятно и бедно. В крестьянских семьях считалось обязательным сшить новое праздничное платье на отдельные великие праздники. Если это не получалось, то в наряде должны были появиться новые элементы, украшения и т.д. Учёный писал, что даже к принятию святых таинств крестьяне готовятся как к празднику, каждый старается приодеться, по возможности, лучше. А некоторые женщины из богатых крестьянских семей считали за грех явиться к причастию не в новом наряде [8, с. 63].

Исследователь русской культуры Терещенко А.В. писал в XIX в. о россиянках: «Женщины сами шили для себя одежду и отличались искусным вышиванием шелками, серебром и золотом. Знатные боярыни и девицы преимущественно занимались рукоделием и щеголяли своими изделиями. ...Многие из знатных боярынь славились искусством вышивания» [15, с. 96].

Гоголь Н.В., значительное время проводивший в своём поместье, отобразил в «Мертвых душах» знакомую ему картину XIX в.: «В деревне ... народ одевался особенно щеголевато: кички у женщин были все в золоте, а рукава на рубашках – точные коймы турецкой шали» [2, с. 91]. На деревне, что ни вечер, пелись песни, заплетались и расплетались весенние хороводы. Породистые, стройные девки... Трудно было сказать, которая лучше: все белогрудые, белошейные, у всех глаза репой, у всех глаза с поволокой, походка павлином и коса до пояса» [2, с. 31].

При описании русских женщин авторы, разумеется, обращали внимание на их нравственность. Слова Терещенко А.В. достаточно полно отражают наиболее встречаемую характеристику женщин: «Россиянки всегда славились непорочностью в семейной жизни и удивляли этим иноземцев. Скромность и невинность составляли неразлучную добродетель жен: этим гордились мужья и дорожили самые знатные люди. ...Когда жених выражал желание видеть свою невесту, родители отвечали ему: «Спроси о ней добрых людей» [15, с. 98].

Замечание о нравственности россиянок подтвердил Пушкин А.С. как помещик, наблюдающий деревенских жителей. Он писал про женщин, что они «...столь целомудренны, как и прекрасны; на покушение дерзновенного отвечают сурово и выразительно» [11, с. 125].

По свидетельству Максимова С.В., девушки и парни выбирали себе пару. А потом по обоюдному согласию шло сватовство. «На супрядках невест выбирают, на посиделках окончательно побеждают» [9, с. 20]. До свадьбы устраивался девишник. На него собирались близкие разных полов. Подруги невесты здесь – основные. «Сам жених не смел бы и глаз показать на девишник, если бы подруги невесты не захотели сделать ему такого почету» [9, с. 112]. Поэтому полагать, что девушки и женщины не имели будто бы никакого веса в обществе, были забытыми и бесправными, будет весьма неосмотрительно.

В уста своего героя Толстой Л.Н. вложил традиции отношений к женщине в крестьянском обществе. Барин так ответил на просьбы парня сосватать ему крепостную: «...Я принуждать не могу; поищите другую: не у

себя, так у чужих; я выкуплю, только бы шла по своей охоте, а насильно выдать замуж нельзя. И закона такого нет, да и грех это большой» [16, с. 537]. Отец мог действительно женить сыновей и выдавать замуж дочерей без их согласия. При выборе пары отец семейства ориентировался на социальный статус, авторитет, материальное положение будущих родственников. Материальное положение в крестьянском обществе традиционно приравнивалось к трудолюбию, чем трудолюбивее семья, тем выше достаток. Исследователь Семёнова М. считает, что родители не злоупотребляли своим правом женить детей. Насильственная женитьба не приветствовалась в обществе, осуждалась соседями [13]. По немногим описаниям этнографов [8, 9, 15], литераторов видно, что молодые люди узнавали друг друга во время совместной работы, игр и хороводов, на праздниках, посиделках, и т.п.

На молодую жену возлагались новые социальные обязательства. Терещенко А.В. привел многокуплетную песню – наставления невесте, которая с древности сохранилась до XIX в. Суть наставлений – невестка должна быть терпеливой, кроткой, приветливой, сметливой, не жаловаться по пустякам [15, с. 187]. Собственно, это залог здорового климата семьи. К слову сказать, Терещенко А.В. подробно описал русские свадьбы разных слоёв общества. Он засвидетельствовал, что сватовство, свадебный обряд для всех социальных групп с древности проходил одинаково только с разницею в материальном обеспечении этого действия. По его описаниям, на свадьбах не было пьянства и драк (он их просто не фиксирует как свидетель), а есть обильное кушанье и четкое следование традициям.

По дореволюционным источникам, в целом, складывается картина почитания женщины ещё с языческих времен. Это почитание было связано с её главной социальной ролью в обществе – быть матерью. От физического и духовного здоровья женщины зависело благополучие не только её детей, но и, по сути, всего рода. Женщина была полноправным членом рода, семьи. Она была либо дочерью и находилась под защитой отца, либо была замужем (*за мужем*) и опекалась мужем, и в обоих случаях – мужчинами рода. Радищев

А.Н. во время, которое принято считать апогеем крепостничества, описал случай такой защиты женщины от нового барина. В отличие от предыдущего, этот барин издевался над жителями деревни. Один из его сыновей стал принуждать невесту крестьянина к сожительству. Защищая часть девушки, мужчины до смерти забили барина и его сыновей. Расследование показало, что в этой расправе участвовало полдеревни [12, с. 86-89].

Известно, что русская деревня издревле жила общиной, высшим органом которой был сход с фактическим правом каждого на вето. Участниками схода были большаки (наиболее встречаемое название). Это был самый уважаемый мужчина в семье, которая, как правило, состояла из нескольких поколений. Его жену называли большуха. Бывали случаи, когда после смерти большака его жена выполняла роль большака [13].

Возможно, в связи именно с этой традицией княгиня Ольга возглавила Древнюю Русь после смерти своего мужа Игоря. Ольга первой на Руси приняла христианство, по сути, противопоставив себя языческому обществу. Она формировала новые христианские ценности, которым последовала часть аристократии. Имей она только статус княгини без личного авторитета, наверняка, её современники с ней обошлись бы как с Игорем. С христианством на Русь пришли как ценность понятия милосердие, сострадание, благотворительность. Княгиня Ольга начала заниматься врачебной деятельностью. Она организовала первое подобие больницы. Её примеру последовали аристократки [7, с. 46]. Другими словами, Ольга и её современницы занимались общественно-полезной деятельностью, и они заложили тенденции милосердия и благотворительности в медицине, которые просуществовали до советской власти. Русские аристократки и даже представительницы дома Романовых почитали за честь заниматься либо благотворительностью, либо оказанием непосредственно медицинской помощи, работая в госпиталях (в том числе жена и дочери Николая II). Осознание своей социальной значимости в XIX веке достигло у женщин такой степени, что во время Крымской войны (1853-1856 гг.) они рвались на фронт в качестве сестер

милосердия. Правда, к чести досоветских мужчин, они не пускали женщин на войну, видя в женщине объект для защиты и полагая, что война – не женское дело.

Общественные процессы XIX в. ещё более повлияли на положение женщины в обществе. Отмена крепостного права и развитие капитализма, реформы образования Александра II дали женщине возможность получать образование, участвовать в общественно-политической жизни.

Терещенко А.В в конце XIX в. писал: «В наше время женщина есть деятельный и полезный член общества. Ограничить ее деятельность в девическом состоянии одной скромностью и невинностью, а в замужестве спальней и кухней, – значит лишить ее всех обязанностей человека. Скажут: женщина должна быть только матерью, а должность матери весьма трудна и священна – воспитывать своих детей. Но воспитывать не значит выкормить – это делает всякое животное по природному влечению. Воспитать – значит дать благородное направление сердцу и уму, а для этого требуется не одна наука, следовательно, мир знания столько же должен быть открыт женщине, сколько и мужчине; на этом основании жена у мужа – и мать и хозяйка». Он полагал, что женщина полноценно воспитает ребенка, если сама будет образованной [15, с. 134].

Это понимала ещё Екатерина II, которая способствовала развитию образованию аристократок и, в целом, сделала образование модным для мужчин и женщин.

Традиционно большая часть населения страны получало доступное начальное образование в церковно-приходских школах. Образованием занимались духовные лица или аристократки. «Княжна Янка, или Анна, как называет ее Татищев, дочь великого князя Всеволода, будучи монахиней в монастыре св. Андрея в Киеве, учила молодых девиц грамоте, пению, шитью» [15, с. 96].

Максимов С.В. засвидетельствовал, что крестьяне могли нанять людей для обучения детей. Так же он привел девичью песню, в которой есть слова:

«Да напишу ли я грамотку; ...Да отошлю ли я грамотку» [8, с. 21-22]. Он же описал «самиздат» XIX в.: «Среди захолустных обывателей и доньне пользуется большой популярностью, так называемая, рукописная духовная литература» [8, с. 139].

Влияние женщин на события в деревенском обществе отразил этнограф XIX в. Энгельгардт А.Н.: «Вот для начальства бабы в деревне язва. Мужики гораздо более терпеливо переносят и деспотизм хозяина, и деспотизм деревенского мира, и деспотизм волостного и затеи начальства: станового, урядника и т.п. А уж бабы - нет...» [17, с. 363]. В своих литературных произведениях Пушкин А.С. и Гоголь Н.В. подтвердили слова этнографа. Пушкин А.С.: «Женщины сверх домашних работ разделяют с мужчинами большую часть их трудов... редкая из них боится старосты...» [11, с. 125]. Гоголь Н.В. написал про помещика: «Еще трудней ему было ладить с бабами. То и дело отпрашивались они от работ, жалуюсь на тягость барщины.... ...мужья то и дело приходили к нему с такими словами: «Барин, уйми беса бабу! Точно черт какой – житья нет от ней!» [2, с. 18].

Максимов С.В. описал случай, как повадился медведь коров таскать. Крестьяне собрали сход, решили идти на охоту. Хотели мужики ямы вырыть и завалить берестой, но «старики и девки пристыдили». Мужики не решились пойти им наперекор [9, с. 81].

Известно трудолюбие русской женщины. До вмешательства Петра Первого в русскую культуру даже аристократки сами шили одежду [15]. Желание быть полезной обществу также свидетельствует о трудолюбии [7].

В крестьянской среде трудолюбие более очевидно, поскольку от труда зависел и благополучие семьи, и социальный статус, и выживание.

Максимов С.В. восхищался: «С восьми лет каждая девушка уже посвящается во все тайны хозяйства домашнего; с пяти приручается к прялке; с семи она уже умеет вышивать полотенца (рушники, утиральники), вязать чулки, шить домашнее платье, и затем, после 12 она уже мастерица ткать холсты и полотна» [9, с. 176].

Энгельгардт А.Н. был очевидцем работы «из чести» – помочи, толоки: «Толочане» всегда работают превосходно, особенно бабы, – так, как никогда за подельную плату работать не станут. ...Баба из зажиточного двора... будет работать отлично... лучше, чем баба из бедного двора, потому что в зажиточном дворе, у хорошего хозяина, и бабы в порядке, умеют все сделать...» [17, с. 92].

Воображение современника поражают красочные описания этнографами обилия русского стола и кулинарных способностей наших женщин. В русской классической литературе также довольно интересные описания русского питания. Но они, видимо, не очень замечаются читателями. Например, свой восторг крестьянской кухней и мастерством женщин Гоголь Н.В. озвучил через слова пасечника. Это тем более ценно, что помещик (Гоголь), искушенный яствами, восхищается вкусом обычных крестьянских блюд: «...пожалуйте в гости. ...А какими пирогами накормит моя старуха! Что за пироги, если бы вы только знали: сахар, совершенный сахар! А масло так вот и течет по губам, когда начнешь есть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами? Или не случилось ли вам подчас есть путрю с молоком? Боже мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть – объедение, да и полно. Сладость неописанная! [1, с. 63].

У «угнетенных» женщин были свои традиционные женские праздники, на которые допускались только женщины – Маргоски или Маргоскина неделя – неделя жен Мироносиц. Максимов С.В. описал обычай их празднования: «Здесь соблюдаются определенные обычаи, и допускается разнузданное веселье, которое недопустимо в другие дни – плясать простоволосой!!! и старухи уже поздно вечером еле плетутся домой» [8, с. 91-94]. Отмечу, что этнограф описал крайнее «разнудство», при этом нет слов, что женщины валяются, дебаширят, дерутся и т.п. современные явления. Другой праздник, на котором женщины могли позволить себе перейти определенные границы: «На Фролах» дают себе выпить лишнее и женщины, что составляет исключение сравнительно с

другими деревенскими праздниками. Это особенно заметно в вологодских краях. Мужики, которые любят вино, пьют очень мало, даже некоторые совсем отказываются, зато уж бабы пью за себя и за мужиков, бабы» [8, с. 106].

Энгельгардт А.Н. описал, что во время работы на толоке женщины для настроения могут выпить стакан водки. Но больше не наливают, работают справно, весело, песни поют. Он подчеркнул, что выпивают они для веселия и что русские крестьянки не пьют равно как и крестьяне [17].

Приведенные свидетельства, конечно, не дают абсолютно полной картины положения русской женщины. Но в этих источниках нет свидетельств забитости россиянки. А потому, видимо, следует пересмотреть устоявшийся в XX в. негативный взгляд на положение русской женщины.

Этот взгляд стал следствием оправдания низкого уровня жизни в СССР. Советские идеологи давали сравнительную характеристику социально-экономического положения народа, разумеется, в пользу социализма, показывая наших предков вечно голодными и с рабской ментальностью. Изменение положения женщины в советское время – это тема отдельного исследования. В качестве контраста можно привести лишь несколько свидетельств о своём положении самих строительниц социализма.

Изотова Д.М. (1909 г.р.): «Когда сделали колхозы, начались различные эпидемии: корь, туберкулез. Поумирало очень много людей. А самое страшное было то, что чаще умирали детки, особенно грудные. А что тут мудреного. Ведь родившая женщина обязана была выходить на работу в колхоз через две недели. У меня у самой умерло девять грудных детей... Ведь работали без выходных, отпусков и праздников. Работали, как проклятые!» [5, с. 40, 42].

Кузьмина А.В. (1916 г.р.): «Особенно трудно было нам, женщинам. Никого не интересовало, что ты тяжела ходишь. Не интересовало – заболела ли ты, дитя ли у тебя малое. Все идут на работу, и ты идешь, хоть и беременная» [5, с. 124].

Ленцева М.Н. (1915 г.р.): «Ни в какой декрет по рождению детей мы сроду не ходили. Кто его нам даст? Если бы были декреты, какая нормальная баба стала рожать в поле? Ей о дитё надо думать, а не о работе» [5, с. 120].

Климова Т.А. (1914 г.р.): «В 1930 г. я вышла замуж. До 1937 родила троих девочек. А в 1937 г. моего мужика забрали в тюрьму. ...Тогда много мужиков угнали из деревни, человек пятьдесят, не меньше. Никто потом не вернулся, и писем не было. ...Хорошего в своей жизни ничего не помню. Всю жизнь работа, работа, работа! И всю жизнь, с 22 лет, одна живу, без мужа...» (плачет) [5, с. 99, 100, 102].

Лещенко Е.А. (1932 г.р.): «Работать пошла с 15 лет на обогатительную фабрику. ...Мы были совсем, как рабы. Только и знали, что работу. Думали, что так и надо. А теперь читаешь и думаешь – за что работали, за что жизнь прошла?! Ничего путного не видели с детства и до старости. Но от этого знания –не легче. Очень обидно, что жили так» [6, с. 25].

То, о чем говорили респонденты, Струве П.Б – политик и публицист увидел общественную тенденцию. Он писал в 1931 г.: «Все бьются, работают в две смены, лишь бы приработать побольше, и все же ни масла, ни яиц, ни чаю в обиходе не имеют. И отцы и матери – все на работе, дети без присмотра на улице. Поэтому распущены невероятно, от первой ступени до вузов.... Такая безграмотность у всех, такое невежество, нечто ужасное, и притом полное непонимание того, что они ничего не знают, не умеют ни говорить, ни писать, ни читать прилично. Всем им кажется: и так ладно!» [14, с. 604]. И причину этого он видел в политике большевиков: «Разрушили великое государство, упразднили собственность, напустили на великую страну целое море всякого паскудства для того, чтобы через девять лет после этой «величайшей» социальной революции, во имя коммунизма и от имени советского государства проповедовать малым сим воздержание от деторождения!» [14, с. 135].

Источники

1. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником рудым паньком.//Собр. соч. в 8 т. Т. 1. М., 1984.

2. Гоголь Н.В. Мертвые души.//Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М., 1984.
3. Горянин А. Мифы о России и дух нации. М., 2002.
4. Иностранцы в древней Москве. Москва 15-17 веков. Сост. Сумхан М.М. М., 1991.
5. Л.Н.Лопатин, Н.Л.Лопатина. Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют). Кемерово, 2009.
6. Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Социализм глазами современников. Кемерово, 1996.
7. Лопатина Н.Л. Культурологические аспекты в развитии сестринского дела. Кемерово, 2009.
8. Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила. Кемерово, 1991.
9. Максимов С.В. Куль хлеба. Л., 1987.
10. Маркиз де-Кюстин. Николаевская Россия. М., 1990.
11. Пушкин А.С. История села Горюхина.//Проза. М., 1984.
12. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1962.
13. Семенова М. Мы – славяне. С-П(б), 1998.
14. Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935). М.- Париж, 2004.
15. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М., 2006.
16. Толстой Л.Н. Утро помещика //Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 1. М., 1984.
17. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872-1887. М., 1987.

